

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

В.Н. Иванов

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЯКУТСКОГО НАРОДА НА ПРИЕМЕ У РУССКОГО ЦАРЯ (1676 год)

V. Ivanov

Representatives of the Yakut People at a Reception with the Russian Tsar (1676)

Начавшееся с середины 80-х годов XVI в. «Ермаково взятие» Сибири придало мощный толчок разрастанию территории Русского государства и включению в его состав новых подданных. Движение на восток «встречь солнцу» на протяжении XVII в. раздвинуло границы государства вплоть до Тихого океана, завершив процесс пространственного формирования Азиатской России¹. Одновременно происходили изменения в этническом составе населения страны за счет вхождения множества разноразличных племен и народов территорий, включаемых в состав государства. Началась великая эпопея хозяйственного, политического и культурного освоения Сибири, куда стали переселяться русские люди. Появились новые зимовья, остроги и города. Новые земли и народы нуждались в организации управления ими. Возникла проблема взаимоотношений между пришлыми и коренными жителями края.

Обо всем этом многократно написано в историографии Сибири и ее отдельных частей². Здесь нет необходимости повторять общеизвестные оценки этих явлений сибирской истории. Однако есть одна очень важная проблема, от решения которой зависит многое, когда речь идет о полноценной и непредвзятой оценке вхождения огромного сибирского региона в состав Русского государства.

Имеется в виду проблема русско-аборигенных отношений.

Нельзя сказать, что отношения между пришлыми и коренными жителями были обойдены в историографии. В трудах сибиреведов высказывались различные мнения на этот счет, обнаруживались самые разные подходы к проблеме, но их объединяло одно – взаимоотношения власть представляющих и принявших подданство народов оценивались исключительно с точки зрения исправного поступления налога в виде ясака и беспрекословного повиновения властям.

Такой подход историков порождал своеобразное методологическое клише: народы Сибири представлялись в трудах историков не в качестве субъекта, а объекта государственной политики. Такой подход был доведен до крайности, когда началась бескомпромиссная идеологическая борьба с «завоевательной политикой царизма» во всех национальных окраинах Российского государства, в том числе и в Сибири. Нет сомнения в том, что так можно было писать об истории в обстановке всеобщего доминирования в исторических исследованиях пресловутого классового подхода к интерпретации общественных явлений.

Наиболее одиозный характер теория завоевания приобрела в историографии Якутии в 20–30-х гг. XX в., когда развернулась тотальная классовая критика деятельности Российского государства в досоветский период истории страны. Своего апогея эта критика достигла в 30-х гг., и связана она была с выходом в 1936 г. в свет по распоряжению Академии наук СССР сборника архивных документов под характерным названием «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.». Вступительную статью к сборнику написал ленинградский историк И.М. Троицкий³, который «отправной точкой зрения» своих оценок избрал освещение «военно-феодального грабежа сибирских колоний» и критику «исторической колонизационно-культурной миссии России» в регионе. В этом контексте он напрямую связывает свою позицию с такими оценочными определениями, как «завоевание Сибири и Якутии», «карательные экспедиции русских», «восстания туземцев», «казацьи орды», «кровавая страница истории Якутии», «колониальная политика», «самый хищнический метод колониального грабежа», «военно-феодальная эксплуатация Восточной Сибири» и т.д. и т.п. В целом статья производит удручающее впечатление, и понятно, что она никак не ориентирует на получение объективного представления о взаимоотношениях между пришлыми и автохтонным населением. Так формировался в советской историографии негативный образ Русского государства как проводника колониальной политики по отношению к жителям Ленского края, оказавшимся объектом угнетения и бесправия.

Предложенная И.М. Троицким схема объяснения событий вхождения Якутии в XVII в. в состав Русского государства вскоре приобрела признаки официальной идеологической установки в историографии. Одной из первых это подтвердила монография С.А. Токарева, изданная в 1940 г. и задуманная автором как «как опыт связного очерка истории якутов древнейших времен до наших дней»⁴.

В ней роли Московского государства в истории Якутии XVII в. даны следующие характеристики: «эпоха царского завоевания», «жестокое подавление», «жестокая расправа», «правительственное завоевание», «насилия и вымогательства завоевателей», «беспощадные завоеватели», «восстания якутов» и т.д. Не приходится сомневаться в том, что тогда С.А. Токарев оказался под влиянием прямолинейного проникновения в исторические исследования принципов

классового подхода к оценке исторических событий.

К чести историка напомним, что он в 1953 г. в совместном очерке разделил с выдающимся сибиреведом С.В. Бахрушиным иную оценку этих же событий XVII в. В очерке говорилось о том, что включение Якутии в состав Русского государства стало «установление взаимосвязей русского народа с якутским», что к концу XVII в. сложилось «мирное сожительство русских поселенцев с коренными хозяевами земли», что «уже в XVII в. процесс сближения между якутами и русскими переселенцами сделал значительные успехи», что Якутия уже тогда включилась в «систему общероссийских экономических связей, в общегосударственный рынок», что вхождение Якутии в состав России было «в конечном счете большим плюсом» и т.д. Общая оценка авторов событий XVII в. выражена в следующих словах: «Включение Ленского края в большое и могущественное Российское государство оказало положительное, прогрессивное влияние на развитие якутского народа»⁵.

Совместная позиция двух крупных специалистов, опиравшаяся на анализе конкретно-исторического материала собственно XVII в., содержала новую трактовку событий, сопровождавших включение Якутии в состав Русского государства, и стала существенным шагом в преодолении теории «завоевания» Ленского края. Однако при всем том авторы не сумели поставить проблему русско-аборигенных отношений во всех их проявлениях, ограничив их исключительно отношениями представителей власти и служилых людей к местному населению при организации и сборе ясака. Поэтому их правильный тезис о «сближении между якутами и русскими переселенцами» оказывался в «висячем положении», потому не убеждал читателей. Получалось так, что авторы не придали серьезного значения одной из официальных установок правительства: придерживаться в Якутии общесибирского принципа – относиться к аборигенам края с «лаской, а не жесточью», «привет держать великой» и не чинить им «сумнение и тесноту и смуту»⁶.

Нет сомнения в том, что такая позиция также показывает реакцию центрального правительства на рост различного рода злоупотреблений со стороны служилых людей и представителей местной власти по отношению к коренному населению, которое следовало оберегать и сохранять как источник пополнения государственной казны. Речь идет о том, что именно с этой прагматичной точки зрения центральная власть стремилась обуздать грабежи и насилия, разоряющие ясачное население.

Другой вопрос, оказывали ли какое-либо влияние эти усилия правительства на реальные русско-аборигенные отношения на местах?

Многочисленные попытки урегулирования отношений с «иноземцам» в XVII в., проведение специальных ревизий деятельности представителей воеводской власти с конца XVII в., особенно в первой половине XVIII в., свидетельствуют о том, что, несмотря на огромный размах злоупотреблений (воровство казны, взяток и наси-

лий) политика правительства по «береженью» ясачного населения продолжала действовать и в какой-то мере повлияла на рост численности населения, оградив его от физического истребления и сохраняя традиционные основы его жизнедеятельности. Так что правительственная политика оказывала решающее влияние на один из важнейших аспектов русско-аборигенных отношений.

Эти и другие факты истории не получили должного освещения в историографии, что усугубило одностороннее освещение событий, развернувшихся в ходе открытия, освоения и включения Якутии в состав Русского государства. В центре внимания историков оказывались деятельность главарей казачьих отрядов, рядовых служилых и промышленных людей, воеводской администрации и других атрибутов власти, то есть одна сторона участников событий. Что касается второй стороны – коренных жителей, – то они присутствуют в исследованиях в качестве лишь плательщиков ясака или объектов разного рода злоупотреблений со стороны представителей власти, то есть в роли пассивных участников событий.

Между тем, исторические источники того времени сохранили большой массив разнообразных сведений о взаимодействии русских и коренных жителей при самых разных жизненных и деловых обстоятельствах. Самые ценные сведения об этом дают не только сохранившиеся в большом количестве челобитные местных жителей, но и отписки служилых людей. Они возникли уже в первые годы появления русских в крае и в течение века выросли в огромное количество. К сожалению, информационный потенциал этих уникальных источников не раскрыт, прежде всего – в плане разработки проблемы русско-аборигенных отношений. Специальное обращение к ним раскрыло бы самый широкий спектр взаимного человеческого общения и различного рода повседневных связей в процессе совместного проживания.

Если глубоко вникнуть в содержание этих отношений, выяснилось бы, что проблема русско-аборигенных отношений предстает многоаспектной, заслуживающей комплексного изучения. История Якутии предоставляет исследователям много материала для такого изучения.

В литературе давно утвердилась мысль о том, что Русское государство при налаживании отношений с подданными опиралось на представитель местной знати. Об этом недвусмысленно говорилось в наказной памяти первым якутским воеводам от 6 августа 1638 г., что указывает на то, что именно такой изначально и была правительственная политика⁷. «В отношениях с «ясачными» центральные и местные власти, – пишет В.В. Трепавлов, – стремились опираться на местную патриархальную знать. Она не только сохраняла административные права по отношению к сородичам, но и отвечала за сбор и доставку пушнины. Родовые и племенные предводители были объявлены «князцами», «лутчими людьми» и наделены различными привилегиями, как в качестве приманки, так и для демонстрации своего высокого ранга. Для упрощения ясачных

расчетов воеводы и приказчики предпочитали иметь дело только с верхушкой аборигенов»⁸. Такое отношение к элите общества не могло не оказать определенного влияния на характер взаимоотношений между властью и аборигенами.

В свою очередь, местная знать быстро разобралась в преимуществах лояльного отношения властей. Ее представители постоянно общались с воеводской и служилой администрацией, были в курсе основных событий, регулирующих процессы политического, хозяйственного, социального и культурного освоения территории. За нею были сохранены традиционные родоплеменные единицы – улусы, превращенные в ясачные волости, которые возглавили представители местной знати, получившие должность «князцов». В Якутии было выявлено 35–36 таких улусов, но не было ни одного случая, чтобы эту должность занимали лица из русских служилых людей. В целом в течении всего XVII в. власть не вмешивалась во внутреннюю жизнь местных жителей, за исключением тех случаев, когда решались вопросы взимания ясака. Все это послужило основой для мирного сожительства, в котором были заинтересованы обе стороны.

Первые попытки поездки тойонов в Москву

Постоянное регулирование властями ясачного обложения, бесконтрольный произвол ясачных сборщиков в улусах воспринималось представителями местной знати неоднозначно, ибо оно наносило довольно чувствительный удар по их самосознанию как предводителям улусного общества. Получалось так, что ясачный сборщик воспринимался населением как лицо, облеченное большими правами, чем князец или любой другой зажиточный человек. Именно это обстоятельство подвигло якутскую знать на своеобразную борьбу против продолжающегося ущемления своих традиционных прав.

В этой борьбе якутская знать предпочла мирный способ вооруженному противостоянию. Такая линия борьбы вырабатывалась на встречах представителей улусов, – как правило, крупных, – которые избрали путь коллективного обращения к властям в письменной форме, то есть составления челобитных. В архивах сохранилось огромное количество челобитных, в которых содержатся жалобы на многочисленные злоупотребления воевод, приказчиков и служилых людей.

Среди них особняком стоят челобитные представителей якутской элиты (князцы и «лутчие якуты»), которые стали обращаться к властям от имени жителей улусов, считая себя выразителями их интересов⁹. Содержание жалоб сводилось к недовольству непомерным ясачным обложением, вымогательствами ясачных сборщиков, накоплением недоимок в ясачном сборе из-за истощения пушных зверей, обнищанием бедной части населения. В первое время такие жалобы адресовались воеводам, однако очень скоро выяснилась их бездейственность¹⁰. Тогда элита вознамерилась обратиться непо-

средственно к царю. Не только. Она решилась на большее – напрямую встретиться с царской особой.

К настоящему времени известны несколько челобитных обращений к царю Алексею Михайловичу, состоявшихся в 50–60-х гг. XVII в.

Еще в 1940 г. С.А. Токарев писал о настойчивых стремлениях якутских тойонов (по русской терминологии – выборных старост) «связаться, минуя местную воеводскую власть, непосредственно с Москвой. Князцы не один раз подавали челобитные воеводам с просьбой пропустить их «к Москве» для челобитья великому государю «о всяких своих нуждах». Воеводы, вполне естественно, отказывали в этом тойонам. Однако иногда последним удавалось добиться отправки их в Москву»¹¹. В подтверждение этих слов С.А. Токарев ссылается на факт якобы приезда в 1660 г. князца Намского улуса Ники Мымахова «со своими братьями» в Москву. Однако в документе, на который указывал он, речь идет о подаче челобитной на имя царя и в адрес Сибирского приказа. Так что никакой поездки якутских тойонов в Москву в 1660 г. не было.

С.А. Токарев прав в одном: действительно, якутские тойоны стремились попасть в Москву для прямой встречи с царем. Нами обнаружен ранее неизвестный архивный документ, согласно которому уже в 1646 г. якутские князцы Еюк Никин и Откурай Тынинын из Кангаласского, Ника Мымахов из Намского, Логуи Амыканов из Борогонского, Сергуй Унегин из Одейского, Каптак и Немняк Очевы из Батурусского улусов обратились к воеводе В.Н. Пушкину «с товарищи» с просьбой отпустить их в Москву, к царю «для их бедности и разорения»¹². Воевода сообщил об этом в Москву, понимая, что без разрешения из столицы он «не смел» отпустить в дальнюю поездку людей, никогда не предпринимавших такого рода путешествия. Ответа не последовало.

4 мая 1660 г. якутские тойоны вынуждены были вновь обратиться к царю на губительные последствия ясачного обложения. В документе говорилось, что «били челом великому государю... ясачные якуты Намской волости князец Ника да братья его родные Тюсюк, Оюнейко, Тимирейко, Тукунайко, Коварко Мымаховы дети» и других якутов восьми волостей «во всех своих ясачных якутов место». В челобитной они подробно изложили свои «нужды». В частности, они жаловались на то, что наряду с ясаком текущего года ясачные сборщики с них требовали внесения недоимок за прошлые годы, образовавшихся еще со времен первого якутского воеводы П.П. Головина, произвольно увеличившего ясачный оклад вдвое и втрое, а также уплаты ясака за умерших. Якуты доказывали неподъемность таких требований и, ссылаясь на то, что они «обнищали и обедняли и по дворам в холопство изапродавались и вконец погибли и разорились», просили «свободить» от внесения ясака за умерших¹³.

Челобитная была передана царю Алексею Михайловичу, рассмотрена им, и 4 декабря 1660 г. Сибирский приказ во исполнение цар-

ского указа отдал распоряжение якутскому воеводе И.Ф. Большому Голенищеву-Кутузову «не допустить убыли» в ясачном сборе, но в случаях смерти ясакоплательщиков, «у которых детей и животов их после них не останетца»... «ясаку и поминков править не велеть, а после которых ясачных людей останутца животы их и скот всякой и за тех мертвых наш ясак и поминки велеть имать на тех ясачных людей, хто тех выбылых мертвых ясачных людей, животы и скот возмет по рассмотренью ж»¹⁴.

Таким образом, жалоба ясачных якутов была удовлетворена частично, вопрос не был решен полностью.

Долгое молчание правительства заставило якутскую элиту в 1662 г., то есть через 16 лет после первого обращения, еще раз заявить о своем желании попасть в Москву. От имени ясачных якутов 17-ти «своих волостей» 29 родоначальников писали о вопиющих злоупотреблениях в ясачном сборе со времен первого воеводы П.П. Головина и просили царя Алексея Михайловича «от ясачного платежа свободить» за умерших отцов, братьев, «родников»; братья пушнину в ясак «без выбору», кроме «недособолей» и соболей «вешних и плелых и прелых»; братья ясак с бедных якутов, которые «не упрощают» пушнину, деньгами; «править», то есть не накладывать, «доимочного ясаку впредь». Челобитчики уверяли царя в том, что обращаются к нему с такими «просьбами», чтобы «вконец не разориться» и как бы «настоящего ясаку не отбыть»¹⁵.

В челобитной сообщались и другие подробности «разорения» ясачных. Они понадобились для обоснования главной просьбы челобитников – разрешить им поехать в Москву. При этом они напоминали: «А как, великие государи, приискана наша Якутцкая земля, и тому, великие государи, годов с сорок и с тех мест мы, сироты ваши, под вашею, великих государей, высокою рукою в вечном холопстве в ясачном платеже, а нас, сирот ваших, с такова числа прежние стольники и воеводы ни которой к вам, великим государем, к Москве не отпускали неведомо для чево, и мы, сироты ваши, многие те лета оскудели и обнищали»¹⁶.

Следовательно, до 1662 г. царского указа о поездке якутов в Москву не было. Во-вторых, что очень важно, в челобитной отражено то, как якуты подтвердили свое российское подданство, признав нахождение Якутии в течении 40 лет под «высокою рукою в вечном холопстве» русского царя. Якуты признавали себя в качестве государевых холопов, и здесь можно согласиться с В.В. Трепавловым, напомним, что «русским обозначением подданных в XVII в. были холопы (государевы)»¹⁷.

Самое же интересное состоит в том, что намерение поехать в Москву обсуждалось в якутском обществе, по-видимому, постоянно уже с 40-х гг. XVII в., о чем в данном случае свидетельствует предложенный в челобитной состав его представителей. Предоставим слово источнику: «Велите... стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому-Кутузову из Якутского острогу отпустить к Вам... к Москве, из нас сирот ваших трех человек Ничку Мымыкова, Чю-

гунка Бодоева, Мазарычка Бозекова быть челом об наших нуждах и бедностях...»¹⁸. Как видим, предлагались весьма знатные, авторитетные, общественно активные представители якутов. Однако и на этот раз не суждено было якутам встретиться с царем.

И только 30 апреля 1676 г., уже от нового царя – Федора Алексеевича, – в Якутск была послана грамота, в которой якутскому воеводе Андрею Барнешлеву было повелено «призвать из подгородних улусов и волостей ясачных князцов и улусных лутчих людей сколько человек пристойно и сказать им его государево милостивое слово, что он... пожаловал за их многие службы и ясачный платеж, велел из них лучших двух и трех человек князцов... отпустить к Москве»¹⁹.

Для якутов «государево милостивое слово» явилось выдающимся событием в их жизни: впервые в своей истории им предстояло встретиться с царем, который стоял на вершине государственной власти России, являлся «основным ее носителем», а в их сознании – «белым царем» (Юрюнг Ыраахтааҕы), далеким и недостижимым, но справедливым и «благодарным», носителем светлых чаяний и великодушным в отношении своих подданных.

Обрадованные благим известием, якуты не замедлили воспользоваться представившейся возможностью и немедленно приступили к подготовкам. В первую очередь окончательно определились с составом представительства. Дело в том, что в челобитной 1662 г. в его составе числился князец Мегинского улуса Чюгун Бодоев, но в списке 1676 г. его по неизвестным причинам не оказалось, а вместо него из того же улуса включили князца Трека Осюркаева. Таким образом, в Москву решено было отправить трех князцов: Нохто Никина, Мазары Бозекова и Трека Осюркаева. Им разрешено было взять с собой каждому по два «кашевара».

Представляет большой интерес, что царский указ от 30 апреля 1676 г. рекомендовал воеводе А.А. Барнешлеву строгий порядок формирования выборного представительства якутов, о чем в литературе до сих пор не было никаких сведений.

По вновь выявленным документам выясняются исключительно важные обстоятельства.

Во-первых, воеводе поручалось «призвать» в Якутский острог князцов и «лутчих» людей из улусов «сколько человек пристойно» и передать им царское «милостивое слово», что царь «пожаловал» им за «многие службы и ясачный платеж» отпустить в Москву двух или трех человек и с ними «кашевара». В признании того, что Якутия «почалась быть под государево высокою самодержавною рукою» и что «здешние иноземцы служат с русскими служилыми людьми всякие службы и ясак платят», царь распорядился расходы по поездке оплатить за счет казны, «дав им в Якуцком корм и подводы».

Во-вторых, в обязанность воеводы вменялось приглашенных в Якутский острог лиц «накормить и напоить всех и отпустить в волости и улусы, не задержав», и предписать им, чтобы они довели до сведения ясачных и неясачных якутов улусов всего уезда царский указ.

В-третьих, все «улусы и волости» должны выбрать двух или трех кандидатов для поездки в Москву, которых предстояло собрать в Якутском остроге и обсудить вопрос, «о каких делех бити челом» царю, причем челобитные должны были быть составлены «за руками и за знамени» улусных людей; из этих челобитных в Якутской приказной избе составляли текст, «про все статьи» которого «выписывались подлинно порознь по статьям», и только после этого документ должен был уйти в Москву.

В-четвертых, для «береженья» членов представительства воеводе рекомендовалось выделить одного служилого человека и толмача. А каждый сибирский город обязывался выделить «проводятых сколько человек пристойно», а служилый человек и толмач обязаны были следить за тем, чтобы «никакова дурна и безчестья не чинили и досадных слов им не говорили и от всяких людей дорогою оберегали. А от кого им иноземцом какие обиды или безчестья в дороге чинитца учнет или и словом их хто обесчестит и служилому человеку и толмачю про то на тех людей хто что им учинит сказывать в городех и в острогах и в селех и слободах воеводам и приказным людям»²⁰.

Можно удивляться тому, какую заботу проявлял русский царь в отношении представителей якутской знати, – а по сути, всего якутского народа, – которым предстояло преодолеть огромный путь по просторам Сибири.

Далее – еще интереснее (приводим текст полностью): всем сибирским «воеводам и дьякам и таможенным головам и всяким приказным людям – потому ж им иноземцом никаких обид и налогов и безчестья и задержанья не чинить и рухляди у них ничево не осматривать. И давать им подводы и корм и питье по указу от города до города и отпускать без задержанья, чтоб однолично тем иноземцом никакого безчестья и задержанья и убытков ни от кого не было. А для приезду их из Якуцкого к Москве дать им против сего государеву указу и... их проездную за государевою ленскою печатью». Подключение всей сибирской администрации к «береженью» членов якутского представительства говорит о том, какое важное значение придавал царь их приезду в Москву целыми и невредимыми.

В-пятых, в заключение царь обращался к воеводе с указанием, чтобы он «достальным князцам и улусным людям» после «отпуску» представительства устроить прием в Якутске, «кормить и поить их довольно», затем «отпустить их из Якуцкого в улусы и волости, не задержав, и говорить им с великим радением и ласкою, чтоб они, иноземцы, видели к себе великого государя его царского величества милость и жалованье и что лутчие их люди к Москве отпущены, ему великого государя царскому величеству служили и ясак и поминки платили по вся годы по окладу сполна и велено тех ясачных и неясачных иноземцев от всех ясачных зборщиков и от всяких чинов русских людей оберегати накрепко и держать к ним иноземцом ласку и привет и береженье, чтоб в государстве ясачном и десятинном зборе порухи и недобору не учинить»²¹.

Здесь нетрудно уловить продолжение той политики, которую Москва проводила до этого, излагая ее каждый раз в наказных памятях якутским воеводам, но с одной особенностью: использован факт приезда в Москву представителей якутской знати, разрешение на который толкуется как «царская милость и жалованье», как особое, «бережное» отношение к знатым представителям якутского народа, то есть к этнической элите, как фактор сохранения стабильности и порядка на недавно обретенной окраине государства.

Документ чрезвычайно интересен, но сих пор не введен в научный оборот, поэтому нам пришлось буквально процитировать отдельные извлечения из него, тем сохранив первое положительное впечатление, которое он производит.

Царский указ от 30 апреля 1676 г., таким образом, ориентировал якутское общество на формирование образа доброго русского царя, защитника коренных жителей от всяких обид, попечителя их как «служителей царского величества» и плательщиков ясака. Примечательно, что этот продиктованный в указе образ подлежал распространению среди всего улусного населения с тем, чтобы он проник в народное сознание. Для своего времени это был сильный пропагандистский жест, нацеленный не только на укрепление верноподданнических чувств якутов к царю всея Руси, но и на постепенное их вхождение в состав Русского государства.

К сожалению, нам не удалось найти точную дату выезда якутского представительства из Якутска. Известно только то, что «кормовое жалованье» им было выдано где-то в июле месяце с расчетом на четыре месяца. Представителям якутов предстояло одолеть огромное расстояние. В архивах сохранилось датированное 1662 г. «Дело об отправке с великой реки Лены из Якутского острога в Москву великого государя ленской соболиной казны и всякая мяхкая рухлядь» (впервые вводится нами в научный оборот), в котором точно обозначен путь от Якутска до Москвы: «С Лены на Усть-Кут или Усть-Муку реки, оттуда до Ленского волока, с которою с подводами до Илимского острога снова водным путем до Енисейского острога и Маковского острожка, откуда плыть рекою Кетью до Кетского острожка, с Кетского острожка до Оби реки и Обью до Нарыма, и до Сургута и до Иртишку устья и вверх по Иртишку в Тобольск, а из Тобольска до Тюмени и до Туринского, и с Туринского до Верхотурья через верхотурский и русскими городами и до Москвы»²². Нет никакого сомнения в том, что якутское представительство отправилось в Москву по этому давно проложенному пути.

Удалось установить, что 15 октября 1676 г. оно прибыло в Тобольск. Об этом сообщал тобольский воевода П.В. Шереметов, который в полном соответствии с царским указом «для береженья и приезду по городам» послал с якутами «в провожатых тобольские конные казаки Федка Миляев с товарищи» девять человек. Кроме того, в числе сопровождающих названы якутские казаки Корнил Анкудинов, Федот Колмак, а также толмач Максим Мухоплев²³.

Представительство все же не избегло происшествий: где-то за

Верхотурьем на него напали разбойники, но, к чести местных казаков, отобранное было полностью возвращено.

Якутские тойоны в Белокаменной

Якутские тойоны благополучно прибыли в Москву в декабре 1676 г.

В столице их приняли, как подобает принимать царских гостей: «чин» приема переписали с официального приема астраханского хана, побывавшего в столице незадолго до этого. Их торжественно принял царь Федор Алексеевич. И уже 3 января 1677 г. они подали обширную челобитную в Сибирский приказ, в которой содержалась жалоба на насилия и злоупотребления воевод Якова Волконского и Андрея Барнешлева, был предъявлен ряд требований, направленных на восстановление утраченных прав якутского тойоната.

Понятно, что якутские тойоны прежде всего выразили верноподданнические чувства русскому царю и не дали никакого повода подозревать якутский народ в неверности центральной российской власти. Они вели себя как официальные представители «государевы вотчины Якутские земли», представители всех 35 улусов уезда. Мало того, они прибыли в столицу с плодотворными идеями укрепления ее положения в составе государства, убежденные в том, что в их крае «государеве казне великую прибыль чинить и прочно... государеву вотчину строить» можно. Примечательно, что они, признавая Якутские земли царской вотчиной, продолжали считать их и своим «житьишко», давая знать, что они тоже ответственны за ее состояние. И говоря о злоупотреблениях якутских воевод и ясачных сборщиков, они просили царя навести порядок, чтобы «не разорить» и «в конец не погубить» свою «дальнюю вотчины Якутские земли». Нет никакого сомнения в том, что именно эта мысль стала основополагающей в переговорах тойонов с царем Федором Алексеевичем, в которой присутствует реальная тревога за судьбы всего населения края.

В этом контексте огромный интерес представляет попытка трех князцов вернуть якутской знати прежнее общественное положение в улусах, в первую очередь ее административно-судебную власть. С этой целью они просили, чтобы царь «пожаловал их, не велел ясачным сборщиком якутским служилым людям их в улусех судить, а судить бы их не больших делах меж себя им князцам в своих волостях, а в иных волостях иным князцом». Основанием для такой постановки вопроса тойоны считали то обстоятельство, что ясачные сборщики, «будучи у них в волости, суды судят не по делу для своей бездельные корысти и емлют с ысца и с ответчика посулы большие». Как представители тойоната они добивались того, чтобы «быть бы им над родниками своими судьями и по ясак волостных ясачных родников им нарежать и меж их суд и росправа чинить без градские волокиты» и для этого «оставить» князцов от «государеве ясаку»²⁴.

На первый взгляд, эту просьбу можно было бы отнести к раз-

ряду обычных, но дело обстояло гораздо сложнее. С.А. Токарев был прав, когда писал, что «претензии тойоната шли уже гораздо дальше требования независимости от служилой сошки – ясачных сборщиков: тойоны добивались иммунитета и по отношению к воеводской власти!»²⁵. Они домогались того, чтобы «быть бы им над родниками своими судьями»²⁶.

Большинство вопросов, поставленных якутским представительством в Москве, было связано с ясачным обложением. Речь шла об ограничении и пресечении злоупотреблений отдельных воевод и служилых людей, отмене взимания ясака с мертвых душ и «погромного скота», замене пушного оклада денежным, отмене подводной повинности, запрещении торговым и промышленным людям охотиться «в урочищах ясачных людей для соболиного и всякого промысла», запрещении передвижения ясачного населения в Подгородную волость и т.д.²⁷

Среди этих вопросов особенно остро обсуждалось взимание ясака с «мертвых душ». По данным якутского воеводы Ф. Бибикова, в 1675 г. в 35-ти волостях Якутского уезда в пометных списках числилось 8 245 ясачных плательщиков, из них 1 546 «помечены» мертвыми, а за них продолжали платить ясак живые, начиная со времен первого воеводы П.П. Головина, который «ясак имал з умерших отцов их и бартью и за детей и за родников з болшею жесточю и побоями». В результате накопилась огромная сумма недоимок, так как после смерти ясакоплательщика обычно «скота и никаких животных» не оставалось²⁸. «Мертвые» и «ясачные» якуты за 1642–1676 гг. накопили недоимок: «тысяча пятьсот дватцать восемь сороков дватцать восемь соболей [То есть 61 148 штук. – В.И.], тритцать шесть шуб, сто десять пластин собольих, дватцать три лисицы бурых, одиннатцать лисиц краснобурых, сто девяносто девят лисиц черночеревых, двесте шездесят девят лисиц сиводушчатых, тритцать шесть шуб да сорок три хвоста собольих, четырнатцать лап лисьих, дватцать четыре тысячи пятсот пятдесять четыре лисицы красных»²⁹. Как видно, сумма выходила внушительная, и она, по словам челобитчиков, тяжелым бременем ложилась на плечи живых ясакоплательщиков. Увы, источник не приводит данные о недоимках, числящихся за «мертвыми», о чем сожалел и сам воевода: в сметных списках «окладов живых и мертвых ясачных якутов порознь не росписано».

Якутские челобитчики настойчиво ставили вопрос о снятии этих недоимок, образовавшихся после смерти ясакоплательщиков и возлагавшихся на «живых ясачных якутов», однако у них не оказалось точных данных на «сумме недоимок мертвых, так как она не была к тому времени «выложена» из полного годового оклада всех ясакоплательщиков. А следовало провести «сыски про умерших якутов за руками и за знамены ясачных князцов и лутчих людей» и узнать сумму образовавшихся недоимок.

Но как бы то ни было, постановка вопроса о «мертвых ясачных» имела большое значение. Во-первых, она наглядно показывала масштабы вопиющих злоупотреблений воевод и ясачных сборщиков,

навязавших местному населению один из самых запрещенных способов выколачивания ясака – с «мертвых» душ. Во-вторых, она дала властям понять, что такой способ выколачивания ясака невыгоден государству, ибо он ведет к разорению всего населения, что противоречило политике недопущения «разоренья, . . . мученья» местным жителям – источнику ясачных поступлений. В-третьих, она свидетельствует о том, что якутские представители рассказали царю об ухудшении и без того бедственного положения всех ясакоплательщиков, многие из которых, по их словам, стали «бедны и нужны» и «вконец погибли», представ таким образом выразителями интересов всего якутского народа. Они понимали, что только так могла быть оправдана их поездка в Москву.

Якутские тойоны особо жаловалась на воеводу М.С. Лодыженского, который в 1655 г. «накладной ясак и поминки и воевоцкие поминки ж наложили на них против околничего Петра Петровича Головина с товарищи и за умерших ясашных людей с них ясашных людей на настоящие годы имали и на прошлые годы выбирали с великою жесточью и с побоями не по их ясашных якутов пожиткам»³⁰. Этот воевода, кроме того, уличался ими в должностном преступлении – в мздоимстве. Было доказано, что он получил в «почесть» 1 600 соболей и столько же собольих пупков, всего на 6 258 руб. Он же, беря взятки у якутов, наживал «на год скотин по 200 быков и коров», которых забивал, а мясо отдавал служилым людям «в кабалу» с условием последующего обязательного платежа соболями, спекулировал водкой, хмелем, мукой. А еще получал «великие выкупы» за назначение служилых людей ясачными сборщиками, нажив этим 1 720 соболей. Из Якутска в 1660 г. он вывез 21 480 соболиных шкурок³¹. Но не один Лодыженский был таков. Царь из различного рода челобитных знал об этом, личная же встреча с якутами, думается, должна была произвести на него неприятное впечатление, но тогда решительных мер не было принято.

В челобитной речь шла еще об одной категории людей, которые «якуты соболей и лисиц на промыслах не упромышляют», и их было немало: в основном старые и больные, а также те, у которых не было лошадей, используемых для охоты на дальнем расстоянии³². Якутские представители просили «за соболи и лисицы» с таких хозяйств «имать» деньгами.

Итоги и последствия встречи с царем Федором Алексеевичем

В целом якутское представительство провело в Москве довольно содержательные переговоры. Они касались злободневных вопросов жизни и положения якутов в условиях, когда волей истории Ленский край на протяжении 40-ка с лишним лет находился в составе Московского государства, когда традиционные ценности якутского общества испытывали сложное сплетение отношений подданства и вхождения в новую систему государственного управления. Разо-

браться в запутанном клубке этих отношений решила элита, и приезд ее представителей в Москву в этом смысле оказалась серьезным испытанием. Она озаботилась, прежде всего, ясачной политикой и ее последствиями, в которых как в зеркале отразились отношения центральных, особенно местных властей к ясачному населению. И это было правильно.

Понятно, что московская власть не могла сразу решить давно накопившиеся проблемы, озвученные якутскими тойонами. Но некоторые требования были удовлетворены, хотя и частично. И именно в этом состоит историческое значение первой встречи представителей якутской знати с царем Русского государства.

Самым крупным успехом якутского представительства было то, что оно добилось издания специального указа от 9 февраля 1677 г.

Согласно этому указу, был установлен новый порядок рассмотрения судебных дел в улусах. Все судебные дела, касающиеся населения близких к городу Якутску улусов, рекомендовалось рассматривать «в съезжей избе», то есть самим воеводам. Дела же, относящиеся к выходцам из дальних улусов, подлежали разбирательству сборщиков ясака. При этом последние должны рассматривать лишь так называемые «малые дела», то есть дела об исках от 2-х до 5-ти руб.; дела же об исках свыше 5 руб. и об убийствах, независимо от расстояния и их характера, должны были быть «посланы прямо к воеводе». Новое заключалось в участии якутских тойонов в судебных разбирательствах. Сборщикам ясака, по указу, рекомендовалось рассматривать судебные дела якутов только при участии князцов и «лутчих» якутов, то есть «вместе с их иноземскими князцами и с лутчими людьми, а без князцов и лутчих людей однолично ясачным зборщиком и в малых делах не судить»³³.

Получение права участия в рассмотрении судебных дел, хотя бы и «малых», заметно укрепило позицию якутской верхушки, усилило ее влияние на большинство улусного населения. Дело в том, что «малые» дела – это дела, возникающие в преобладающем большинстве случаев между бедными хозяйствами. Следовательно, значительная часть бедноты по вопросу о разрешении возникающих конфликтов попадала в зависимость от тойонского суда, который опирался на обычное право, как это было до вхождения «Ленской земли» в состав России. С другой стороны, участвуя в рассмотрении судебных конфликтов, князцы и «лутчие люди» имели возможность защитить свои имущественные интересы от всякого рода посягательства. Но в обоих случаях в выигрыше оставалась якутская знать. Все это явилось прямым результатом поездки ее представителей в Москву.

Представители якутской знати добивались, чтобы князцы и «лутчие люди» принимали непосредственное участие в организации ясачного обложения. Для властей этот вопрос представлял большую трудность, и потребовалось время, чтобы найти то или иное приемлемое решение.

Такое решение мы обнаруживаем в царском указе, поступившем в Якутск в 1678 г. В указе говорилось о сокращении численности

ясачных сборщиков и предписывалось «посылать для ясачново збору в якуцкие волости служилых людей перед прежним с убавкою» и с ними «отпускати князцев вместо убавочных... для послушания ясачных якутов сколько человек пригоже». Мало того, князцам и «лутчим» якутам вменялось в обязанности печатать «своими печатями и отпускать» собранный ясак в Якутск «с ясачными зборщики своих улусных выборных людей, чтоб тое мягкую рухлядь ясачные зборщики не переменяли».

С.А. Токарев был прав, считая, что это положение указа было «прямым результатом домогательства якутских князцов, приехавших с целым рядом требований в Москву в 1676–1677 гг.»³⁴. Но сама просьба была не нова. Дело в том, что в 1638 г. в наказной памяти первым якутским воеводам буквально говорилось: «А за тем ясаком посылали («В землицы и улусы». – *В.И.*) с служилыми людьми для береженья и для того, чтоб служилые люди не воровали, государевым ясаком не корыстовались лутчих ясачных людей по сколку человек пригоже»³⁵.

Воеводы в целом следовали этой царской установке, но, думается, не всегда последовательно, поэтому тойоны сочли нужным еще раз получить подтверждения одного из важнейших предписаний 1638 г. воеводам. Вместе с тем новое на этот раз состояло в том, что если тойоны, не довольствуясь простым участием в сборе ясака, уже тогда претендовали на организацию сбора ясака в своих волостях, «наряжая» на это «волостных ясачных родников», то власти ограничились их претензии расширением прав контроля за сохранностью собранного в улусах ясака. Нетрудно уловить в этом растущее доверие к элите якутского общества со стороны центральных властей.

Вместе с тем, московская власть не могла идти навстречу далеко идущим притязаниям якутской знати, поэтому она тогда не решилась так радикально изменить устоявшийся порядок организации ясачного сбора. Якутская верхушка в своем стремлении возратить себе утраченную было традиционную власть на местах – путем перехода в служилых людей государства – явно опережала события. Но право участия в сборе ясака с расширением контрольных функций – шаг в этом направлении, получивший дальнейшее развитие только в XVIII в.

Наконец, в челобитной якутского представительства содержалась жалоба на то, что многие якуты «из дальних мест бежали и пришли под Якуцкой» и там «чинят ссору великую», поэтому они просили тех якутов «ис под Якуцка выслать в прежние их урочища и к прежним их хозяевам»³⁶. Основную вину такого перемещения населения челобитчики возложили на служилых людей – приказчиков ясачного сбора, страх перед которыми вынуждал ясачных покидать свои родовые места с намерением найти защиту у воеводы. С другой стороны, разорившись, бедняки уходили от своих хозяев, создавая у последних трудности в содержании скотоводческого хозяйства. Получалось так, что злоупотребления («воровство», «грабежи», «налоги и обиды») служилых людей причиняли немалое беспокойство,

грозили благополучию якутского тойоната, а это было серьезно, и потому тойоны решились поставить об этом в известность самого царя.

Все говорит за то, что и эта жалоба была учтена властями, когда в 1681 и 1682 гг. в царских указах об ужесточении ответственности ясачных сборщиков и служилых людей говорилось следующее: «Казнить смертью без всякие пощады служилых людей, виновных в злоупотреблениях в больших делах, виновных же в малых делах чинить наказанье, бить на козле кнутом и в провотку и животы их имать на великих государей все же без остатку, а самих ссылати в Даурские остроги...»³⁷.

Эти указы объективно укрепляли позиции тойонов. Во-первых, они ограничивали, если не исключали, случаи прямого вмешательства служилых людей в дела улусного населения. Во-вторых, явились правовой основой для тойоната в его отношениях к ясачным сборщикам. Эти обстоятельства сыграли свою роль в том, что нередко власти поручали воеводам ограничить перемещение населения в район Якутского острога.

Конечно же, были и другие моменты в деятельности якутского предствительства в Москве. Допускаем, что отдельные детали переговоров не зафиксированы на бумаге. Во всяком случае, живая встреча с выходцами из далекой «государевы вотчины Якуцкая земли» оставила у царя Федора Алексеевича благоприятное впечатление. Представительство царь принял по всем правилам приема официальных посольств, буквально по дням и часам была расписана «программа» десятидневного пребывания в столице; проживание, питание и другие бытовые вопросы решались в соответствии с традициями русского гостеприимства.

Ну, и якутские нойоны оказались на высоте. Соблюдая неписанные законы своих предков, они отправились в Москву с традиционными дорогими подарками в знак высокого уважения к царю всея Руси, в знак признания в полной верности ему населения Ленского края. Все трое взяли с собой по 40 соболей и лисице черно-бурой, но в Сибирском приказе они были оценены по-разному. Так, у намского Нокто Никина соболи оценены на 200 руб., а лисица – 60 руб., у кангаласского Мазары Бозекова – соответственно по 180 и 40 руб., а у мегинского Трека Осюркаева – соответственно по 160 и 15 руб. Всего «подарошную» пушнину оценили на 615 руб.³⁸. Оценки шкуры соболя гостем Остафеем Филатьевым вызывает большие сомнения, но дело не в этом: князцы, верные традициям и личной чести, могли преподнести царю только отборные экземпляры шкуры соболей, которые ценились очень высоко.

С этого времени, то есть после установления более или менее доверительных отношений, московская власть становится открытой для представителей якутской элиты. Последние уже почти свободно стали обращаться с жалобами, прошениями в Москву.

В 1680 г. состоялась вторая поездка якутских тойонов в составе того же Мазары Бозекова из Кангаласского улуса, а также Чюгуна

Бодоева из Мегинского и Чюки Капчинова из Борогонского улусов. Они также встретились с царем. Как ни странно, они повторили жалобу представителей, побывавших в Москве в 1676 г., о прекращении практики взимания ясака с умерших, но превзошли их в другом: все трое добились царского пожалования им титула улусного князя. Капчинов – 26 января 1680 г., Бодоев – 2 февраля 1680 г. и Бозеков – 31 февраля 1680 г. Если двое из них при этом ссылались на заслуги своих предков и собственные, то Бодоев указывал, что его дед и отец были «князи породные»³⁹. Царь им выдал «государеву грамоту» на «княжение». Это был большой успех.

И еще. По результатам «осмотра» в Верхотурье у проезжающих якутов оказалось огромное количество пушнины: только собольих шкур у них было обнаружено 995 штук и 60 штук неизвестного назначения. Такой перекоп якуты объяснили так: соболиные шкуры дали им «многие волости родники – на покупку всяких нужд, на топлы, на топоры и на ножи и на одежду и на всякой соболиной промысел соболей»⁴⁰. Есть сведения о том, что они торговали этой пушниной на московском рынке; если это так, то якутские торговцы пушниной в Москве впервые появились в 1680 г.

В архивах сохранились сведения о том, что на получивших титул князя возлагались определенные обязанности. Так, князец Мазары Бозеков обязан был, «где сведает воров, татей, убийцев, и ему тех воров, татей и убийцев имая, присылать в Якуцкой» к стольнику и воеводе И.В. Приклонскому «с улусными людьми», а также «высылать улусных людей своей волости на соболиный промысел по вся годы»⁴¹. И это вполне логично: официальное пожалование титула князцы должны были «отработать» верной государевой службой. Так власти приближали представителей местной элиты к государственным делам, обнаружив в этом встречное движение со стороны якутского тойоната. Нет сомнения в том, что титулом улусного князца были пожалованы все тойоны, претендовавшие на это или, в худшем случае, – большинство из них.

Приобретение тойонами официального титула князца имело большие последствия. Князцы активизировали свою деятельность во всех отношениях. Это и понятно. Они отныне считались официально признанными представителями отдельных улусов (ясачных волостей) и получали право представлять властям все население улуса. Об этом свидетельствуют домогательства отдельных тойонов в последующие годы. Примечательно, что они исходят от тойонов окраинных улусов.

Так, в 1685 г. просил предоставления права «ведать над своими родниками» кокуйский мелкий тойон Кылтай Тунуев, что и было удовлетворено воеводой. Была поддержана воеводой просьба некрупного тойона «Байдунского рода» (Верхоянское зимовье) Дялука Теткуева от 1698 г. по аналогичному же вопросу⁴².

Официальная легализация власти князцов в улусах – такова общая тенденция в развитии отношений между якутской элитой и верхушкой Русского государства, которая обозначилась уже с середины

XVII в.

Не довольствуясь достигнутым, тойоны еще больше активизировались, стали понастойчивее, даже поназойливее. Не удовлетворенные решением вопроса о предоставлении им судебных прав над улусным населением во время встречи с царем в 1676 г., якутские тойоны вновь поставили этот вопрос. В 1685 г. князья Мазары Бозеков (Кангаласский улус), Чугун Бодоев (Мегинский), Букей Никин (Намский) и Чука Капчинов (Борогонский) обратились к воеводе Матвею Кровкову с предложением «пожаловать» им право «меж ими и родников их суд давать и расправа чинить во всяких делах лет за 10 и за 15 и за 20 и больше» под тем предлогом, чтобы в разных ясачных волостях «ясачные зборщики теми старыми делами и челобитьем родников их и их не убытчили и не разоряли». Воевода П.П. Зиновьев на это вынес решение: служилым людям строго запрещалось судить и принимать челобитные по подобным «старым делам»⁴². Можно понять, что предложение князев было удовлетворено. Это видно также из того, что воевода рекомендовал служилым людям «присылать» Якутск, то есть ему, только «убийственные дела». Так что и в этом случае власти пошли навстречу пожеланиям якутской элиты.

* * *

Пребывание представителей якутской знати в Москве без всякой натяжки можно назвать успешным.

Прямое обращение к царю оказалось полезным: высшая власть получила из первых уст достаточно точные и полные сведения о положении дел в Якутском уезде, а представители якутской элиты довели до сведения высших властей страны накопившиеся примерно за 40-50 лет нахождения Якутии в составе Русского государства острые проблемы, порожденные преступными деяниями якутских воевод и всевозможными насилиями служилых людей в условиях ужесточения ясачного режима.

При всем том представители якутской знати повели себя весьма достойно и благоразумно, не дав никакого повода к серьезным разногласиям, тем более к конфликту. Они проявили гибкость и мудрость в переговорах, подтвердив в личной встрече верность всего якутского народа русскому престолу, призвав власти к наведению порядка в управлении уездом, выразив беспокойство по поводу падения платежеспособности ясачного населения и заявив о возможности участия элиты якутского общества в решении вопросов укрепления интересов государства в уезде.

По существу, речь шла об обеспечении, выражаясь современным языком, региональной безопасности, о чем царь Михаил Федорович объявил еще в 1638 г.: он «их новых землиц ясачных людей учнет жаловати и держати в своем царском милостивом призрене и во всем велит оберегати накрепко и жили на прежних своих улусах и на кочевьях и на юртах в тишине и покое, и ни от кого ничего не опасались

и ясак с себя государю платили перед прежним с прибавкою ежегод беспереводно с великим раденьем»⁴⁴. Представители якутов, по сути, напомнили царю Федору Михайловичу об этом ответственном обязательстве своего деда призывать во всем население «Якуцкой земли», оберегать его образ жизни и обеспечить безопасность его существования в обмен на исполнение взятого местным населением обязательства исправно платить ясак.

Поставленные якутским представительством вопросы не выходили за рамки этих установок и вполне вписывались в содержание государственного управления народами окраин. Мало того, сами якуты проявили серьезную озабоченность «оскудением» пушных богатств Якутской земли и обеднением ясачного населения, предупреждая власти, что все это может повлиять на пополняемость ясачной казны. Чтобы обеспечить «тишину и покой» в жизни улусов, якутские тойоны добивались предоставления права участия знати в ясачном сборе, восстановления судебной власти над соплеменниками, ограничения прямого вмешательства служилых людей в дела улусного населения. Речь идет о попытках воссоздания традиционных элементов местного самоуправления, но отнюдь не в противовес правительственной административной практике. Напрашивается мысль о попытке получения местной элитой права на соучастие в государственном управлении улусным населением.

Деятельность якутских представителей в Москве выявила одну обозначившуюся тогда в якутском обществе интересную тенденцию в развитии якутско-русских отношений, не замеченную в исторической науке. Дело в том, что якутское общество, несмотря на неизбежные случаи противостояния агрессивным действиям казачьих отрядов в 30-е гг. XVII в., довольно быстро предпочло мирные отношения с пришельцами, пройдя несколько этапов шертовальных (присяжных) договоренностей. Даже известные события 1642 г., связанные с внутривоеводскими конфликтами при П.П. Головине, не изменили наметившийся путь мирного развития.

Уже ко второй половине 40-х гг. XVII в. якутское общество воспринимало вхождение края в состав Русского государства как совершившийся факт. Понимание этой реальности со всеми вытекающими отсюда последствиями оказало соответствующее влияние на развитие массового сознания. Первые «стрессовые, кризисные, переломные» события оказались позади, началось успокоение, но, конечно же, до «тишины и покоя» было еще далеко. Население начало приспосабливаться к положению царских подданных и практике государственного управления краем.

Бурный рост делопроизводства по нерешенным челобитным в Якутской приказной избе, бесконтрольный бюрократизм воеводского управления дали повод местному населению думать, что далеко в Москве живет справедливый правитель, заступник бедных и обиженных, всесильный царь, чьей воле подвластны все. И вот уже в 1646 г. тойоны заявили о поездке в Москву на встречу с царем с целью решения наступающей в их жизни «бедности и разорения»,

но которое сбылось после нескольких настойчивых попыток только в 1676 г.

Тойонской попытке добиться встречи с царем в 1646 г. мы придаем особое значение: она означала, по существу, начавшийся перелом в общественном сознании по признанию факта подданства, перелом в отношениях аборигенов к пришельцам. В связи с этим напомним, что всему этому предшествовало массовое заключение шертных договоров в 1645 г. Так что представительство 1676 г. в какой-то степени успешно завершило обозначившуюся еще с середины 40-х гг. тенденцию к нормализации взаимоотношений между местным населением и властями, и в этом «иноземческой» элите принадлежала активная роль.

Одно из важных исторических значений непосредственной встречи московского царя с якутским представительством состоит в налаживании Москвой сотрудничества с элитой якутского общества, которое было необходимо с точки зрения интересов государственного управления окраинами. Решающая роль в этом принадлежала русскому царю, который разрешил приезд в Москву якутским тойонам и для которого «государева вотчина Якуцкая земля» представляла интерес как крупнейший поставщик ценной пушнины – одной из серьезных источников пополнения государственной казны. Якутские представители проявили понимание этой ситуации, всячески избегая создания почвы для подозрений их в сепаратизме и настраивая власти на наведение порядка в «государевой вотчине» и на повышение платежеспособности ее населения.

Верноподданническое и деловое поведение якутского представительства можно рассматривать и как начало процесса встраивания якутской элиты в российскую политическую систему. Прямая встреча с царем показала, что якутская элита признает решающую роль власти русского государя, и именно потому она обращалась к ней за помощью, заступничеством, в конечном счете – за справедливостью. Нет сомнения в том, что московская власть с пониманием отнеслась к поведению тойонов, что воспринималось обеими сторонами как признание нахождения Ленского края в составе Русского государства на высоком государственном уровне. Институт подданства населения отныне получил вполне легитимный характер. Это – один из важнейших результатов деятельности якутского представительства.

Исследование фактов, связанных с поездкой в 1676 г. якутов в Москву на встречу с царем и практического влияния этой поездки на якутское общество позволяет сделать вывод о том, что личная встреча тойонов с русским царем является крупным общественно-политическим событием в истории Якутии XVII в.

Во-первых, было установлено прямое сотрудничество высшей власти с этнической элитой якутского общества. Во-вторых, якутские представители выразили полное доверие верховной российской власти, подтвердив уже на высшем уровне свое подданство Русскому государству. В-третьих, высшая власть страны показала

верхушке якутского общества свое выдержанное прагматическое отношение к якутскому народу, удовлетворив большинство ходатайств якутов. В-четвертых, поездка 1676 г. открыла перед якутским обществом новые возможности общения с властями по острейшим вопросам положения и состояния платежеспособности якутского населения в условиях постоянно усложняющегося ясачного режима. В-пятых, элита якутского общества под влиянием успехов своих посланцев уже в 70-80-х гг. XVII в. небезуспешно развила свою активность по восстановлению утраченной было судебной-административной власти в улусах, хотя здесь были свои трудности: улусы и роды по существу были превращены в ясачные волости, то есть в элементы русской административной системы. В-шестых, московская поездка якутов показала, с одной стороны, укрепление положения якутской элиты в обществе, получившей поддержку высшей власти страны, с другой – упрочение русской власти в Якутии, где не ощущалась угроза сепаратистских выступлений.

В целом прием в 1676 г. царем Федором Михайловичем якутских представителей сыграл важную роль в установлении официальной связи якутской элиты с московской властью, что создало необходимые условия для интегрирования «государевой вотчины Якуцкие земли» в российское государственное пространство, дальнейшего упрочения геополитического положения Русского государства на Северо-Востоке Азии в XVII в.

И еще: деятельность якутского представительства в Москве подтверждает правильность нетрадиционного подхода историков к оценке событий XVII в., который заключается в учете роли не только русских участников событий, но и коренных жителей территории, присоединенных к Русскому государству⁴⁵.

Примечания

¹ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике: XVI – XX века. М., 2004; Повлинская Л.Р. Сибирь в контексте евразийской теории // Евразия: Этнос. Ландшафт. Культура. СПб., 2001. С. 20–83.

² Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. М., 1987; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: Фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822 – 1917 гг.). Иркутск, 2009; Зуев А.С. Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002; Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999; и др.

³ Троцкий И.М. Некоторые проблемы истории Якутии XVII века // Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сборник архивных документов. Л., 1936. – С. IV–XXX.

⁴ Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940.

⁵ Бахрушин С.В., Токарев С.А. Положительные результаты присоединения Якутии к Русскому государству // Якутия в XVII веке (Очерки).

Якутск, 1953. С. 411–436.

⁶ *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 150.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Стб. 75. Сст. 128–196.

⁸ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. М., 2007. С. 173.

⁹ *Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII – XVIII вв. Якутск, 1945. С. 318.

¹⁰ *Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII – XVIII вв. Якутск, 1945. С. 267.

¹¹ *Токарев С.А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 88.

¹² РГАДА. Ф. 1127. Оп. 1. Д. 47. Л. 47.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 899. Сст. 13.

¹⁴ Там же. Сст. 13–14.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 361. Сст. 11–14.

¹⁶ Материалы по истории Якутии XVII века (документы ясачного сбора). Ч. 3. М., 1970. С. 960–961.

¹⁷ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. М., 2007. С. 136.

¹⁸ Материалы по истории Якутии XVII века (документы ясачного сбора). Ч. 3. С. 961–962.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 899. Сст. 114.

²⁰ Там же. Сст. 116.

²¹ Там же. Сст. 117, 118.

²² РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 174. Л. 42.

²³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 899. Сст. 118, 119.

²⁴ Там же. Сст. 4, 7.

²⁵ *Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII – XVIII вв. Якутск, 1945. С. 315.

²⁶ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1846. С. 177.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Стб. 899. Сст. 1–8.

²⁸ Там же. Сст. 166, 167.

²⁹ Там же. Сст. 171.

³⁰ Там же. Сст. 12.

³¹ *Федоров М.М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX вв.). Якутск, 1978. С. 28.

³² РГАДА. Ф. 214. Стб. 899. Сст. 168.

³³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. СПб., 1842. С. 194; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. VII. СПб., 1859. С. 154; *Иванов В.Н.* Социально-экономические отношения якутов: XVII век. Якутск, 1966. С. 353.

³⁴ *Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII – XVIII вв. Якутск, 1945. С. 368.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 75. Сст. 167.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 899. Сст. 6, 7.

³⁷ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сборник архивных документов. С. 135.

³⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 899. Сст. 122.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 899. Ст. 220, 256, 259, 265.

⁴⁰ Там же. Ст. 192.

⁴¹ Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII – XVIII вв. Якутск, 1945. С. 316.

⁴² Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII – XVIII вв. Якутск, 1945. С. 315, 316.

⁴³ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сборник архивных документов. С. 135–136.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 75. Ст. 165.

⁴⁵ Зуев А.С. Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002; Тrepавлов В.В. [Рец.] Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII в.). Новосибирск, 2009. 444 с. // Российская история. 2011. № 3. С. 179–181.

Автор, аннотация, ключевые слова

Иванов Василий Николаевич – докт. ист. наук, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, директор Научно-исследовательского института Олонхо (Якутск, Республика Саха (Якутия))

institut-olonkho@ mail.ru

В статье впервые изучена история поездки в 1676 г. официального представительства якутской знати в Москву для переговоров с русским царем Федором Михайловичем по важнейшим вопросам состояния Якутской земли. Главным вопросом переговоров стало ужесточение экономического положения якутского народа в условиях ужесточения ясачного (налогового) режима. На основе новых архивных находок в фондах Российского государственного архива древних актов, особенно в фонде Сибирского приказа, удалось проследить историю этой поездки, объективно рассмотреть и оценить те решения царской власти, которые были приняты в результате первых непосредственных переговоров русского царя с представителями якутского народа. Прием в 1676 г. царем Федором Михайловичем представителей якутского народа сыграл исключительно важную роль в укреплении положения Якутии в составе Русского государства, в налаживании отношений между пришлым населением и коренными жителями, в конечном счете – в упрочении геополитических интересов Русского государства на Северо-Востоке Азии.

Якутия, якуты, якутский народ, якутская знать, Русское государство, русский царь, царь Федор Михайлович, ясак, ясачная политика, воевода, воеводская власть, злоупотребление властью, Ленский край

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Trepavlov V.V. [Review of] A.S. Zuev “Prisoedinenie Chukotki k Ros-sii (vtoraya polovina XVII – XVIII v.)”. Novosibirsk, 2009 [The Accession of Chukotka to Russia (second half of 17th – 18th Centuries)]. *Rossiyskaya isto-*

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Bakhrushin S.V., Tokarev S.A. Polozhitelnye rezultaty prisoedineniya Yakutii k Russkomu gosudarstvu [The Positive Results of the Accession of Yakutia to the Russian State]. *Yakutiya v XVII veke (Ocherki)* [Yakutia in the 17th Century (Essays)]. Yakutsk, 1953, pp. 411–436.

3. Povlinskaya L.R. Sibir v kontekste evraziyskoy teorii [Siberia in the Context of Eurasian Theory]. *Evraziya: Etnos. Landshaft. Kultura* [Eurasia: Ethnos, Landscape, Culture]. St. Petersburg, 2001, pp. 20–83.

4. Trotskiy I.M. Nekotorye problemy istorii Yakutii XVII veka [Some Problems of the History of Yakutia in the 17th Century]. *Kolonialnaya politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii XVII v.: Sbornik arkhivnykh dokumentov* [The Colonial Policy of the Moscow State in Yakutia in the 17th Century: A Collection of Archival Documents]. Leningrad, 1936, pp. IV–XXX.

(Monographs)

5. Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike: XVI – XX veka [Asian Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics: 16th – 20-th Centuries]. Moscow, 2004, 599 p.

6. Dameshek I.L., Dameshek L.M. Sibir v sisteme imperskogo regionalizma (1822 – 1917 gg.) [Siberia in the System of Imperial Regionalism (1822 – 1917)]. Irkutsk, 2009, 389 p.

7. Zuev A.S. Russkie i aborigeny na Kraynem Severo-Vostoke Sibiri vo vtoroy polovine XVII – pervoy chetverti XVIII vv. [The Russians and the Natives of Far North-Eastern Siberia in the Second Half of the 17th and First Half of the 18th Centuries]. Novosibirsk, 2002, 330 p.

8. Ivanov V.N. Vkhozhdenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva [The Entry of North-Eastern Asia into the Russian State Structure]. Novosibirsk, 1999, 197 p.

9. Ivanov V.N. Vkhozhdenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva [The Entry of North-Eastern Asia into the Russian State Structure]. Novosibirsk, 1999, p. 150.

10. Ivanov V.N. Sotsialno-ekonomicheskie otnosheniya yakutov: XVII vek [The Social and Economic Relations of the Yakuts: 17th Century]. Yakutsk, 1966, p. 353.

11. Nikitin N.I. Sibirskaya epopeya XVII veka [The Siberian Epic of the 17th Century]. Moscow, 1987, 176 p.

12. Rezun D.Ya., Shilovskiy M.V. Sibir, konets XVI – nachalo XX veka: Frontir v kontekste etnosotsialnykh i etnokulturnykh protsessov [Siberia at the End of the 16th to the Beginning of the 20th Centuries: The Frontier in the Context of Ethno-Social and Ethno-Cultural Processes]. Novosibirsk, 2005, 193 p.

13. Tokarev S.A. Obshchestvennyy stroy yakutov XVII – XVIII vv. [The Social System of the Yakuts, 17th – 18th Centuries]. Yakutsk, 1945, 267 p.

14. Tokarev S.A. Obshchestvennyy stroy yakutov XVII – XVIII vv. [The Social System of the Yakuts, 17th – 18th Centuries]. Yakutsk, 1945, p. 315.

15. Tokarev S.A. Obshchestvennyy stroy yakutov XVII – XVIII vv. [The Social System of the Yakuts, 17th – 18th Centuries]. Yakutsk, 1945, pp. 315,

16. Tokarev S.A. *Obshchestvennyy stroy yakutov XVII – XVIII vv.* [The Social System of the Yakuts, 17th – 18th Centuries]. Yakutsk, 1945, p. 316.

17. Tokarev S.A. *Obshchestvennyy stroy yakutov XVII – XVIII vv.* [The Social System of the Yakuts, 17th – 18th Centuries]. Yakutsk, 1945, p. 318.

18. Tokarev S.A. *Obshchestvennyy stroy yakutov XVII – XVIII vv.* [The Social System of the Yakuts, 17th – 18th Centuries]. Yakutsk, 1945, p. 368.

19. Tokarev S.A. *Ocherk istorii yakutskogo naroda* [Essay on the History of the Yakut People]. Moscow, 1940, 280 p.

20. Tokarev S.A. *Ocherk istorii yakutskogo naroda* [Essay on the History of the Yakut People]. Moscow, 1940, p. 88.

21. Trepavlov V.V. “Belyy tsar”: *Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV – XVIII vv.* [“White Tsar”: The Image of the Monarch and Notions about Subjection among the Peoples of Russia, 15th – 18th Centuries]. Moscow, 2007, p. 136.

22. Trepavlov V.V. “Belyy tsar”: *Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV – XVIII vv.* [“White Tsar”: The Image of the Monarch and Notions about Subjection among the Peoples of Russia, 15th – 18th Centuries]. Moscow, 2007, p. 173.

23. Fedorov M.M. *Pravovoe polozhenie narodov Vostochnoy Sibiri (XVII – nachalo XIX vv.)* [The Legal Status of the Peoples of Eastern Siberia (17th to the Beginning of the 19th Centuries)]. Yakutsk, 1978. S. 28.

Author, Abstract, Key words

Vasiliy N. Ivanov – Doctor of History, Professor, Ammosov North-Eastern Federal University, Director of Scientific Research Institute of Olonkho (Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia)
institut-olonkho@mail.ru

The article researches for the first time an official trip to Moscow made by a delegation of the Yakut nobility in 1676 to pursue negotiations with the Russian Tsar Fyodor Mikhailovich on urgent issues concerning the Yakutsk land. The principal item of the talks was the deteriorating economic position of the Yakut people caused by the tightening of *yasak* (natural tax) policy. With the help of new archival findings in the Russian state archives of ancient acts, particularly those from the Siberian *prikaz* fund, the author traces the recordings of this trip and provides an objective analysis and assessment of the Tsar’s solutions which were made in the course of the first talks between the Tsar and the delegation of the Yakut people. The Tsar’s reception of the Yakut deputies in 1676 played a crucial role in strengthening the position of Yakutia within the Russian state, improving relations between the indigenous and foreign population and, eventually, consolidating geopolitical interests of the Russian state in Asia’s North-Western area.

Yakutia, Yakuts, Yakut people, Yakut nobility, Russian state, Russian tsar, tsar Fyodor Mikhailovich, *yasak* (natural tax), *yasak* (natural tax) policy, Voivode (Governor), Voivode (Governor) power, abuse of power, Lensky Krai (River of Lena Territory)